

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодалев А.А. Основы социально–психологической теории / А. А. Бодалев, В. Н. Панферов, А. Н. Сухов. – М.: Междунар. пед. академия, 1995. – С. 129-133.
2. Гаврилова Т.П. Эмпатия и ее особенности у детей младшего и среднего школьного возраста: дис. канд. психол. наук / Т. П. Гаврилова. – М., 1977. – 178 с.
3. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 43-52.
4. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики (психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова). – М.: Гардарики, 2002. –431 с.
5. Стрелкова Л. П. Психологические особенности развития эмпатии у дошкольников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1987. – 24 с.
6. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., науч. ред., предисл. А. В. Денежкина; послесл. Л. А. Чухиной]. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.

Н. С. КУЗНЕЦОВ

Екатеринбург, УрФУ

И ВНОВЬ – О ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Раскрывается роль ценностей как базовых причин общественной жизни и развития. Показывается значение исследований природы человека как основы для выработки ценностей и ошибочность ряда односторонних подходов к проблеме.

Ключевые слова: ценность; человеческая природа; марксизм; бихевиоризм; эволюционная эпистемология.

N. KUZNETSOV

AND AGAIN - ABOUT THE PROBLEM OF VALUES

Annotation. The role of values as the underlying causes of social life and development is revealed. The importance of studies of human nature as the basis for the development of values and the fallacy of a number of one-sided approaches to the problem are shown.

Key words: value; human nature; Marxism; behaviorism; evolutionary epistemology.

Долгое существование положения о «вторичности сознания» в советском обществоведении не способствовало адекватному пониманию роли идей в человеческой истории и общественной жизни. Роль знаний, конечно, признавалось, а с проблемой ценностей было неважно. Так, еще в шеститомном издании истории философии, вышедшей в пятидесятые годы прошлого века, сам термин ценность заключался в кавычки как чуждый марксистской философии, «порождение неокантианства».

Об отрицательном отношении многих видных советских философов к проблеме ценности свидетельствуют и дискуссии 1960-х годов. Еще тогда в «ценностном подходе» усматривалась антитеза научному; утверждалось, что «ценностное отношение существует лишь в обыденном сознании», что это – «житейская терминология, насыщенная эмоциональными (патетическим или сентиментальными) мотивам, «плоское морализирование», «суррогат знания» [1, с. 5; 7; 9].

Борьба за признание проблемы ценностей в советской философии этих годов получила, в частности, выражение в полемике О. Г. Дробницкого и В. П. Тугаринова. В. П. Тугаринов отстаивал необходимость постановки и исследования проблемы ценностей. Интересны рассуждения О. Г. Дробницкого, опирающегося на ряд положений марксизма. В своем отношении к миру, – писал он, человек выступает как практически деятельное существо, преобразующее природу в своих специфически человеческих целях и одновременно по собственным данным природы. Благодаря универсальности человеческой деятельности возможно тождество субъективно-человеческого и объективно-естественного. Человек способен познавать мир в его имманентных законах и самого себя как практически деятельное социальное существо. Развитие мира также происходит по объективным законам. Эти законы не просто внешние ограничения, они являются внутренними принципами деятельности самого человека. Поэтому «строго объективная наука, изучающая природный и общественный мир в его имманентных законах, должна дать ответ на все вопросы мировоззрения, общественной ориентации и субъективных мотивов деятельности человека. При такой постановке вопроса не остается места для некоего ценностного аспекта действительности [1, с. 16]. Поэтому исторический материализм (социальная философия марксизма – Н. К.), считает О. Г. Дробницкий, «не содержит в себе ничего иного, кроме научного знания, не нуждается в ценностном дополнении именно потому, что идеалы и цели людей включены в самую структуру исторического процесса. Субъективный смысл в форме идеалов самообусловлен законами общественного развития

и составляет его необходимый момент» [1, с. 21]. В другой работе О. Г. Дробницкого мы читаем: «Когда природа самого человека и его деятельности была понята научно, для проблемы ценности не осталось места» [2, с. 18–19].

О. Г. Дробницкий был одним из выдающихся советских философов 1960–1970-х годов, но приведенные здесь цитаты характеризуют ряд важных положений марксистской философии, касающихся понимания исторического процесса и деятельности людей, а также человека, человеческой природы. Все это имеет принципиальное значение для рассматриваемых здесь проблем. И действительно, если бы законы природы и общества являлись внутренними принципами деятельности человека, то проблема выбора, а, следовательно, и проблема ценности была бы излишней. Однако в действительности человеческая история осуществляется не коллективным субъектом типа абсолютной идеи, а индивидуальностями, живыми людьми в условиях относительности человеческих знаний о законах природы и общества. То, что действующие в человеческой истории люди – живые индивиды, имеет принципиальное значение для понимания роли идей как знаний, как ценностей.

Казалось бы, совершенно противоположным гегельянско-марксистскому направлению был другой тренд, возникший в продолжение новоевропейской науки – сциентизм в лице позитивизма, физикализма и бихевиоризма. Как известно, О. Конт, который в нашей литературе считается основателем позитивизма, предложил социологию как новую, строгую науку об обществе, как некую «социальную физику», образцом для которой должна стать новоевропейская наука, а механика Ньютона – идеал этой науки. Идеи Конта о научном знании как наивысшей культурной ценности, отрицание философии как «метафизики», а философско-мировоззренческих проблем как лишенных смысла (и, соответственно – отрицание проблемы ценностей) – это и сегодня мощный, и, пожалуй, доминирующий тренд. Панфизикализм учит, что процедуры физики являются единственно научным методом всех отраслей науки, отрицает наличие существенных различий между естественными науками и науками о человеческой деятельности, и это отрицание лежит в основе лозунга о единой науке. Язык физики является универсальным языком всех без исключения отраслей знания. Все, что нельзя выразить на языке физики, является метафизической бессмыслицей. В глазах такого ученого все предметы равны. Все разговоры о сознательности, волеизъявлении и преследовании целей бессодержательны. Человек – просто, один из элементов Космоса.

«Панфизикалист, – отмечает Людвиг фон Мизес, – может признать только одно существенное различие между человеком и объектом физики. Камни и атомы не размышляют ни о своей собственной природе, свойствах и поведении.

Они не являются инженерами ни себя, ни человека. Человек отличается от них, по меньшей мере, настолько, насколько он является физиком и инженером. Трудно понять, как можно изучать деятельность инженера, не отдавая отчета в том, что он выбирает между различными возможными линиями поведения и стремится достичь определенных целей. Почему он строит один мост грузоподъемностью в десять тонн, а с другой – грузоподъемностью в двадцать тонн? Почему он стремится строить мосты так, чтобы они в один прекрасный день не рухнули? Или, это может быть случайность, что мосты не рушатся? Если из трактовки человеческой деятельности исключить понятие сознательного преследования определенных целей, то его необходимо заменить (действительно метафизической) идеей, что некая сверхчеловеческая сила ведет людей, независимо от их воли, к определенной цели: что мостостроителем движет predetermined план Духа (Geist)...» [3, с. 218–219]. И можно увидеть, что сциентизм весьма напоминает гегелевскую Абсолютную идею, исключаящую из исторического процесса деятельность реальных людей, человеческих индивидов.

Подход бихевиоризма напоминает панфизикализм попытками изучать человека, человеческую деятельность без обращения к сознательности и преследования целей (а, следовательно – без понимания роли ценностей). Выросший на основе эмпиризма позитивистской философии, нацеливающей на исследование того, что нам «непосредственно дано», бихевиоризм оставил попытки изучения внутреннего мира человека, сконцентрировавшись на том, что можно увидеть, измерить и изменить по желанию экспериментатора, т. е. исходя из внешних стимулов и реакций на них со стороны организма (знаменитая схема «*S – R*»). Поведение человека и животного по такой методологии отождествлялось. «Под поведением, – писал Э. Торндайк, – мы понимаем всякую деятельность человека и животного, безразлично, выражается ли она в простых произвольных движениях или же в утонченных мыслях и чувствах» [4, с. 20]. Личность человека рассматривалась как «совокупность реакций», предрасположение к реакциям».

«Бихевиоризм... пытается исследовать рефлексy, институты, автоматизм и бессознательные реакции. Но это не говорит нам ничего о рефлексax, построенных храмы, железные дороги и крепости, об институтах, породивших философию, стихи и системы права... о бессознательных реакциях, расщепляющих атом. Бихевиоризм... скрупулезно избегает всяких ссылок на смысл и намерения. Однако невозможно описать ситуацию, не анализируя смысл, усматриваемый в ней данным человеком... реакция является не автоматической, а напротив, целиком зависит от интерпретации и ценностных суждений индивида...» [3, с. 220].

Казалось бы, академические споры о психологии весьма далеки от насущных социально-политических проблем. Но, какие выводы относительно воспитания, обучения, управления обществом можно увидеть из работ американского необихевиориста Б. Скиннера? Это – отказ от уже существующих в человеческой цивилизации и культуре ценностей, в частности – от свободы и достоинства личности. «Дайте мне инструкцию по обращению, и я дам вам человека», – утверждает Скиннер. Вместо контроля с помощью этических и правовых норм он предлагает контроль одних членов общества над другими. Поощрения и наказания вполне достаточно. Когда в Советской России 1920-х годов красноармеец Э. С. Енчмен, утверждая, что мировоззрение – это „эксплуататорская выдумка“, предполагал управление обществом с помощью „пятнадцати анализаторов“, в которых „не только вся идеология коммунизма, но и все элементы коммунистической практики“» (цит. по: [5, с. 78]). Это можно теперь рассматривать как курьез. Но ведь факт, что крупные представители позитивизма, такие как Огюст Конт в XIX веке, Отто Нейрат в XX веке и многие другие интеллектуалы, выступали с проектами тотально регулируемого общества. И, конечно, – «для счастья людей». Роман Джорджа Оруэлла «1984», как известно, отрезвил многих, но далеко не всех.

Таким образом, идеи позитивизма, наряду с идеями социализма и коммунизма можно рассматривать в качестве идеологии и практики насильственного преобразования общества, что осуществлялось в XX веке в Российской империи, Китае и ряде других стран. Важнейшей целью этих насильственных действий провозглашалось и создание «нового человека». Эта цель ставилась и осуществлялась тоталитарными режимами левого и правого направлений. Общими чертами тоталитарных режимов были насильственное уничтожение важнейших институтов, призванных обеспечивать верховенство права, правовое регулирование политической, экономической и личной жизни, цивилизованную свободу.

Что же придавало уверенности авторам радикальных проектов создания «нового человека»? Уверенность в абсолютной пластичности человеческой природы, всеисилии внешних воздействий, воспитания. Такие представления о человеке и воспитании провозглашались не только представителями бихевиоризма, но, исходя и из других теоретических предпосылок, намного раньше – теоретиками социализма и коммунизма XIX века. Так, А. Сен-Симон утверждал, что управление людьми будет заменено управлением вещами (впоследствии этот тезис воспроизводит Ф. Энгельс). То есть, люди станут настолько рациональными, «сознательными», что исчезнут все социальные и личностные конфликты, поскольку сущность человека – вне его, в устройстве общества, а все пороки потому, что «среда заела» (Ф. М. Достоевский). В философской антропологии

К. Маркса, особенно в ранний период, фактически заложена концепция всецело социальной природы человека. Соглашаясь с Л. Фейербахом, что человек – часть природы, Маркс не делает из этого многих теоретических выводов: акцентируется социальное, историческое, деятельное в человеке, но не прослеживается связь человеческих чувств, многих стремлений и мотивов с биологической подструктурой и обусловленными этим фактом вариативными особенностями наследственности. Можно утверждать, что многие базовые идеи учения Маркса – отрицание частной собственности (согласно марксизму, она обусловлена лишь исторически), роли права как важнейшего института цивилизованного, демократического общества, обеспечивающего свободу, безопасность личности и ее относительную автономность в рамках закона и т. п. – связаны с таким односторонним представлением о человеческой природе.

Своеобразный «антропологический релятивизм», ведущий к отрицанию общечеловеческого в морали, можно назвать в качестве еще одного из истоков возникновения коммунизма. Пример тому – статья Л. Д. Троцкого в довольно поздний период его деятельности (1938 г.). Он утверждает, что допущение общечеловеческого в морали ведет к признанию особой субстанции и обязательно – к религии, «натуральной теологии»! [6]. Действительно, если рассматривать природу человека как обусловленную лишь конкретно-историческим обществом, классом, тогда «в морали нет ничего неизменного» и можно проектировать и насаждать любые общественные институты – «...натура не берется в расчет, натура изгоняется, натура не полагается...» (Ф. М. Достоевский).

Начавшийся еще в первой половине XX века «антропологический поворот» показал, что, наконец, осознается необходимость исследования проблемы человека, той самой «натуры»: психоанализ, неотрейдизм, философская антропология, ряд направлений психологии. В середине XX века стала развиваться новая исследовательская программа – эволюционная эпистемология (К. Лоренц, Д. Кэмпбелл, Э. Уилсон, Ч. Ламсден и др.), ее трендом стало рассмотрение человека как результата биологической и культурной коэволюции. Появляются фундаментальные работы, в их числе книга почетного профессора Гарвардского университета, когнитивного психолога Стивена Пинкера «Чистый лист» (см. [7]). Автор опирается на современный уровень наук о разуме, мозге, генах и эволюции. И само название книги – жесткая критика тех, кто и сегодня отказывается признавать наличие человеческой природы как уникального биосоциального феномена, продукта эволюции, императивы которой необходимо изучать и учитывать при проектировании социальных институтов, политической деятельности, воспитании, управлении – во всех сферах общественной и личной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Человек в социалистическом и буржуазном обществе: Материалы симпозиума. Вып. 1. – М.: Ин-т философии АН СССР, 1966. – 220 с.
2. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. – М.: Политиздат, 1967. – 351 с.
3. Людвиг фон Мизес. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. под ред. проф. А.Г. Грязновой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 295 с. ISBN 5-238-00267-X
4. Торндайк Э. Процесс учения у человека / Пер. с англ.; под ред. проф. С. Е. Гайсиновича. – М.: Учпедгиз, 1935. – 160 с.
5. Бухарин Н. Енчмениада (к вопросу об идеологическом вырождении). – М., Пг : Гос. изд-во, [1924]. – 72 с.
6. Троцкий Л.Д. Их мораль и наша. Памяти Льва Седова // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 68-69.
7. Пинкер С. Чистый лист: природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 608 с.

Е. Н. ЛЕБЕДЕВА

Витебск, ВГТУ

О НЕКОТОРЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ИХ ВЛИЯНИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье автор проводит системный анализ особенностей современного этапа развития экономики – постиндустриального, или «информационного», общества. Они имеют определенные положительные черты, но при этом привносят деструктивный элемент в человеческое общество. Они, нанося существенный вред как среде обитания, так и самому человеку, превращают его в «потребителя», объект манипуляции со стороны заинтересованных субъектов. Знание этих особенностей позволит противостоять губительному воздействию на человека и, в первую очередь, на наиболее уязвимую часть человеческого общества – молодежную аудиторию.

Ключевые слова: постиндустриальная экономика, информационное общество, сфере услуг, общество потребления.